

УДК: 101+16+17

DOI <https://doi.org/10.32838/2709-2933/2020.1/07>**Предеина М.**

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

РОМАНТИЗМ, ТЕХНОКРАТИЯ И ГРАЖДАНИН

Кто есть гражданин, «колесико» («винтик») в «бессубъектных формах коммуникации» или субъект, бунтарь? Все зависит от понятия «гражданин». Будь гражданин – то же, что субъект, тогда – это бунтарь. Но будь гражданин – тот, кто растворен в интеракциях между «государственно-правовыми институционализированными образованиями воли и культурно-мобилизованными объединениями общественности» (Хабермас) тогда – это «колесико». У каждого свой способ существования: «колесико» существует в системе, бунтарь – в акции; но один предполагает другого, они – две стороны одного, «гражданской открытости» (или закрытости?).

Ключевые слова: субъект, «бессубъектные формы коммуникации», «гражданская открытость» (закрытость), бунтарь, желание.

«Гражданское общество» отрицает «гражданина». Это, если по Гегелю. Или по-французски: bourgeois, «клеточка» гражданской общности, отрицает citoyen, «клеточку» политической общности. Или в образах: папаша Гранде, удачно воспользовавшийся распродажей «национальных имуществ», отрицает Робеспьера, неудачно попавшего на гильотину. Или в переводе на современный язык: «политик, ставший исполнительным органом научного разума» [9, с. 139] отрицает человека *желания* – того, кто «производит себя в качестве *свободного*, одинокого и веселящегося человека, *способного сказать и сделать что-то простое от своего собственного имени, не выпрашивая позволения* [курсив мой – М. П.]» [4, с. 208]. «Одинокого», «веселящегося» тут тоже к месту: не окружает ли гражданина некий романтический ореол? Я – гражданин, и это звучит гордо. Или, наконец, к прозе недавних дней: «жесткая система бюджетных правил, работающая без политиков», «фискальная политика на автомате» [10] немецкого министра Вольфганга Шойбле отрицает своеволие уже канувшего в Лету греческого референдума 2015-го. Но не это ли своеволие покорило нас в древних греках?

Итак, кто он, «гражданин», «винтик» технократии или человек желания?

Английские будни, или без субъекта

«Рассредоточенный до предела суверенитет, – пишет Хабермас, – воплощается уже не в головах ассоциированных членов, а в тех *бессубъектных формах коммуникации* [курсив мой – М.П.], которые таким образом управляют потоком дис-

курсивного образования мнений и воли, что их отнюдь не бесспорные решения улавливают направленность самого практического разума. Он, суверенитет, сублимируется до уровня трудноуловимых взаимодействий интеракций между государственно-правовым институционализированным образованием воли и культурно-мобилизованными объединениями общественности» [8, с. 74].

Проще: идет двустороннее взаимодействие (коммуникация) между «властью» и «гражданским обществом». Но почему бессубъектное?

Бессубъектность в коммуникации *дополняет*, доводит до логического конца уже давно известные две «объективности»: «объективные» законы экономики – те, что заставляют возвращаться «хозяйственных субъектов», как «шестеренки» большого механизма; и «знание без того, кто знает» (К. Поппер) – то самое, что выражает «объективную» необходимость, закон науки. Наконец-то, свобода (точнее: произвол) «снимается» в коммуникации: я больше не хочу того-то и того-то, а со знанием дела *подчиняюсь* диктату экономики; *любой* на моем месте скажет то, что говорю я; мои слова – это слова без того, кто говорит.

Первым «культурно-мобилизованным объединением общественности» в Англии, стране классического капитализма, стала кофейня – биржа на отдыхе, точнее: на публике. Между кофейней, с одной стороны, и властью, с другой, *еще* случались *противоречия*: власть – старая, сословная, – бывала глуха к диктату экономики, и слух ей открывала взятка, биржа *покупала* чуткость

власти. Возьмем Ост-Индскую компанию – пожалуй, «первопроходца» в деле новых отношений. «Союз между Ост-Индской компанией и «славной» революцией 1688 г., – пишет Маркс, – был взлелеян той же самой силой, которая во все времена и во всех странах связывала и объединяла либеральный капитал и либеральные династии, а именно – силой коррупции <...>. В 1693 г., как это было установлено парламентским расследованием, ежегодные расходы Ост-Индской компании под рубрикой «подарки» достигали 90 000 ф. ст.: герцог Лидс получил 5 000 ф. ст., а сам добродетельный король – 10 000 ф. ст.» [6, с. 152]. «Добродетельный король» по собственному побуждению *еще* не хочет (не может?) быть технократом, исполнительным органом экономического разума, он глух к аргументам «политэкономов», но, на счастье Компании, не глух к золоту. А через сто лет: *уже* власть не доверяет Компании столь важное дело, как управление Индией. В 1783 г. премьер Фокс вносит в парламент билль об Индии, согласно которому Совет директоров Компании должен быть заменен комиссарами, назначаемыми парламентом. Билль усилиями Компании проваливают. Но через год новый премьер Питт проводит билль, поставивший Совет директоров Компании под контроль министров Контрольного совета. Теперь власть – антагонист Компании? Нет, напротив, власть – то же, что Компания, между ними *тождество*. Больше не нужно взятка, премьер Питт, по внутреннему убеждению, служит делу акционеров. Да, *данные* члены Совета директоров проигрывают (их оттесняют от руля), но *капитал* вообще выигрывает: власть уже не вертопрах в пудреном парике, а его, капитала, исполнительный орган. Ост-Индская компания, должно быть, первой проходит путь от *противоречия* с властью («снимаемым» за взятку) до *тождества* с нею. То есть путь, который пройдет не одна Компания, а Капитал, капитализм, как таковой.

(Понятно, что у акционеров Компании исчезают основания для оппозиционности: сам премьер Питт служит им, а значит, – сама английская нация.)

Греческая трагедия, или рождение бунтаря

Я обособляюсь от общества – *рву* пуповину, связывающую с *единым* народным телом в *общении*. Да, общение – то, что соединяет, и – то, что *разделяет*. Слово за слово я открываю свое отличие от других, свою *негативность* в отношении *их* единства. В перепалке, *попреки* все четче звучат два голоса – *мой* и прочих. Пока царит молча-

ние, я – *как будто* часть целого, моя активность – *как будто* в пределах нормы. Первое слово будит сомнение, а словесный потlach (тут отсылка к Моссу; только мы не задариваем, а заговариваем – или: забрасываем словами, сражаемся ими, как камнями) кладет конец *видимости* единства.

«Антигона» Софокла, точнее разговор царя Креонта с сыном Гемоном. Царь только что приговорил невесту сына – Антигону – к смерти: «Мой сын, наш приговор твоей невесте в тебе не вызвал гнева на отца?» – «Отец, я – твой. Твои благие мысли меня ведут – я ж следую за ними. Любого брака мне желанней ты, руководящий мною так прекрасно» [7, с. 203–204]. Послушный сын, *не* бунтарь (даже трус.) Молчите и расходитесь. Но нет, – Креонт поучает: «Правителю повиноваться должно во всем – законном, как и незаконном» [7, с. 204]. И Гемон отвечает: «Но не считай, что правильны одни твои слова и, кроме них, ничто. Кто возомнит, что он один умен, красноречивей всех и даровитей, коль разобрать, окажется ничем» [7, с. 205]. Бунт? *Еще* нет. Гемон напоминает отцу старую истину – «помни, о мере»; он *пока* не вводит новаций, а отстаивает мудрость веков. И все же: это – *тот самый случай*, что запускает потlach слов. «Так неужель к лицу мне, старику, у молодого разуму учиться?» – «Лишь справедливости. Пусть молод я, – смотреть на дело надо, не на возраст». – <...> – «Иль править в граде мне чужим умом?» – «Не государство – где царит один». – «Но государство – собственность царей!» – «Прекрасно б ты один пустыней правил!» [7, с. 206–207]. *Уже* бунт! Не думал Гемон, что разорвет *священные* узы крови, а разорвал; не думал, что поставит под вопрос *царскую* власть, а поставил; *был* Гемон – сын и царевич, *стал* – безотцовщина, но *гражданин*.

Случай – важное слово: он открывает *новую* практику, дает нам *одного* гражданина. Но один балансирует на грани бытия (небытия). Чтобы новая практика, а равно *имя* гражданин закрепились, нужны, по крайней мере, *двое*.

И снова Англия, или «делание-меня-вещью»

Обмен дарами – *вещная* объективация потlacha; то, через что устанавливают порядок (иерархию в племени, дружбу, мир) и ничтожат *желание*: я не хочу склоняться перед вождем, но должен (так как мне не достало вещей для потlacha). *Желание* делало меня *живым*: я желаю того, что говорю, за что сражаюсь; без желания я – вещь, но это – *мое общественное* состояние. «Главное для нас, – пишет Делез, – это не обмен и не оборот, жестко зависящие от требований записи, а сама

запись, с ее огненными чертами, ее *алфавитом*, *вписанным в тело* [курсив мой – М.П.], и ее долговыми пакетами» [4, с. 296]. То, что я больше *не смею* желать, *записано* на моем превращенном в пергамент теле. Начиная с инициации, «завета с богом», знак метит *органы желания*, отучает желать через боль.

Всякая «форма общения» берет начало в записи, разве что меняются *органы*, которые метят. Наша, буржуазная, форма – не исключение: в ее начале – законы против бродяг. По акту Генриха VIII Тюдора, бродяге, пойманному во второй раз, отрезают половину уха. А по акту его сына Эдуарда VI, каждый, кто донесет на бродягу, вправе обратиться «праздношатающегося» в рабство, пометив лоб или щеку несчастного клеймом «S». Беглым рабам выжигают на груди клеймо «V». И так далее. Прогресс (в сравнении с архаикой) один: метят *лицо*. «Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг, – пишет Маркс (это его обзор законов XVI века использован выше), – старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками» [5, с. 747]. *Приучить к дисциплине*. Прежде, чем я стану вещью в труде, меня делают вещью в интеракции: мое *тело* используют как *материал* (пергамент, бумагу) для *записи*. В труде я натираю мозоли сам, тут мне ставят клеймо; там я *делаюсь* вещью, тут меня *делают*; это – подлинное *делание-меня-вещью* (в страдательном залоге). Клеймо – не просто недостаток паспортизации (ну, как узнать, что я – бродяга, задержанный не впервой, если не отрезать ухо). Это – память о том, что я – *не-человек*. В инициации *все* теряют «крайнюю плоть», а клеймят только *меня*. Другие, прицепив шпагу и поправив перо на шляпе, скачут, куда хотят, желают быть там-то и там-то. А я *не смею* желать, на моем желании тоже клеймо – «праздношатающееся».

Другие *исключают* меня из коммуникации: отныне я – *не-говорящее* орудие.

Между «публикой» и «массой»

В греческой трагедии гражданин – одинокий бунтарь, противостоящий безликому хору. В «бессубъектных формах коммуникации». Да есть ли в «бессубъектных формах коммуникации» место гражданину? Это – не столько греческая трагедия, сколько вещный потлач: древний вождь дарит, задаривает и тем доказывает, что он вождь; здесь бюргер «воспроизводит» капитал и тем доказывает, что он гражданин (?). Вещное определяет лич-

ное, обменивается на личное: я *покупаю* право быть гражданином тем, что плачу налоги. (А если разорюсь, то все: в рабочем доме де-факто граждан нет.) Оттого гражданин уже не бунтарь, он – «колесико» в кругообороте капитала. Или это – *не-гражданин*? «Нет, не гражданин!» – скажут романтики.

В *границах* «гражданского общества», *внутри* «публики» (не массы!) рождается раскол: одни остаются не чем иным, как одаренным волей и сознанием капиталом, другие превращаются в живой протест против него, в бунтарей. Последние *однажды*, совсем как герой греческой трагедии, перестают молчать. В 1812-м английские ткачи разрушают станки, и Байрон пишет оду – «Ода авторам билля против разрушителей станков». В ней две части, в первой – поэт прячется под маской капитала: «Нас грабят они беспардонно и ловко и вечно несыты их жадные рты, – плачут фабриканты. – Так пустим немедленно в дело веревку и вырвем казну из когтей нищеты. *Сборка машины труднее зачатия, прибыльней жизни паршивый чулок* [курсив мой – М.П.]. Делу торговому и демократии виселиц ряд расцвести бы помог» [1, с. 391]. А во второй – сбрасывает маску: «Но в час, когда голод о помощи просит, *не всем по нутру выносить произвол и видеть, как ценность чулка перевозносят и кости ломают за сломанный болт* [курсив мой – М.П.]. <...> Я мыслей своих не намерен скрывать, что первыми надо повесить ублюдков, которым по вкусу петлей врачевать» [1, с. 392]. Байрон не может молчать – раз, и не молчать для него – значит бороться против овещствления; он не принимает отношение эквивалентности «кость человека–болт», «жизнь человека–чулок». Человек – нечто большее, чем чулок.

«Нет, государство не собственность царей» и «Нет, человек не равен паршивому чулку» – два эквивалентных протеста потому, что движет ими не хозяйственное рацио, а *желание*, делезовское: «нет, я не из ваших».

Байрон – не часть публики из кофейни. Здесь интересная структура: есть публика («клеточка» гражданского общества), есть неведомая масса (те, кто некогда был заклеямен, как «праздношатающийся») и есть бунтарь, что формально принадлежит публике, но по сути дела стоит вне нее. Будь Байрон совсем вне публики (как тот, кто превращен в вещь), его протест не имел бы голоса, но будь он своим в публике – не протестовал бы. Наш бунтарь – романтик-аристократ, с феодальным представлением о *личной* чести: «Тени

храбрых! Настала минута прощанья, – пишет еще юный поэт, – ваш потомок уйдет из родного гнезда. Только память о вас унесет он в скитанья, чтоб отважным, как вы оставайтесь всегда. <...> Ваша слава незыблема. Спите спокойно: ваш потомок клянется ее не ронять. Хочет жить он, как вы, и погибнуть достойно, и свой прах с вашим доблестным прахом смешать» [3, с. 372].

Не будь Байрон родом из Ньюстедского аббатства, понял бы он, что человек дороже чулочно-вязальной машины?

Бунтарь, выражающий протест на языке публики, но против публики, занимает *привилегированное* положение: аристократизм равно есть и у Байрона и у студентов 1968-го. Вот как рисует портрет бунтующих студентов Хабермас: «Их социализация осуществляется скорее в свободных от непосредственного экономического давления субкультурах, в которых традиции буржуазной морали и ее мелкобуржуазных производных утрачивают свои функции <...>. На этом фундаменте возникает несогласие с тем, почему жизнь отдельного человека несмотря на высокий уровень технологического развития до сих пор определяется этикой борьбы за успех, ценностями овеществленного обладания, почему сохраняется институализированная борьба за существование, дисциплина отчужденного труда, подавление чувственности и эстетического удовлетворения» [9, с. 115–116]. Эти студенты – выходцы из экономически свободных слоев, их родители – люди «свободных профессий» с критическим отношением к действительности.

Тезис «только собственник – человек» (*исторически* первый принцип «гражданского общества») рождается в буржуазной кофейне. А тезис «не только собственник – человек» не может родиться там же, в ней *отрицание* буржуазной кофейни, как закрытости – кофейня не для всех,

массам туда хода нет. Творцы нового тезиса – бунтари, хлопнувшие дверью кофейни. Но с кем они остались? Об этом без иллюзий пишет Байрон: «Он [бунтарь – М.П.] мутно мчащийся поток, рожденный чистым в недрах горных. Он также [как Прометей – М.П.] свой предвидит путь, пускай не весь, пускай лишь суть: мрак отчуждения, непокорство, беде и злу противоборство, когда, силен одним собой, всем черным силам даст он бой. Бесстрашье чувства, сила воли и в бездне мук сильнее всего. Он счастлив этим в горькой доле. Чем бунт его – не торжество? И не Победа – смерть его?» [2, с. 424].

Чем бунт его – не торжество? И не Победа – смерть его?

Не только романтизм. Вместо заключения

«Свободные профессии» – понятие достаточно условное. Бунтарь а-ля студент 1968-го предчувствует, что скоро «ценности овеществленного обладания», «дисциплина отчужденного труда» и так далее и такое прочее станут *его* действительностью; свобода для него существует лишь в приготовлении к жизни, но не в самой жизни. «Мы воспитываем наших дочерей, как святых, – говорила Жорж Санд, – а потом продаем, как молодых кобылиц». То же верно для молодого бунтаря (даже если он не девица): его способность к науке, поэзии, прозе, чтобы осуществиться, должна быть продана, но в отличие от бургера эта (само) продажа для него – *не*-нормальна, поэтому-то он и бунтует. Будучи эмансипирован от «ценностей овеществленного обладания» в *понятии*, наш бунтарь, чтобы эмансипироваться на деле, вынужден выйти за границы самого себя: «не только бургер – человек» – это выход *и* за границу бургерской кофейни, *и* за границу Ньюстедского аббатства.

При всей непрактичности романтических тезисов со временем они становятся избыточными истинами.

Список литературы:

1. Байрон Д.Г. Ода авторам билля против разрушителей станков; пер. с англ. А. Парина. Поэзия английского романтизма XIX века. М.: Художественная литература, 1975. С. 391–392.
2. Байрон Д.Г. Прометей; пер. с англ. В. Левика. Поэзия английского романтизма XIX века. М.: Художественная литература, 1975. С. 422–424.
3. Байрон Д.Г. Прощание с Ньюстедским аббатством; пер. с англ. Г. Усовой. Поэзия английского романтизма XIX века. М.: Художественная литература, 1975. С. 371–372.
4. Делез Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
5. Маркс К. Капитал. Первый том. К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. с нем. Сочинения. Издание второе. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. 907 с.
6. Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности. К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. с нем. Сочинения. Издание второе. Т. 9. М.: Политиздат, 1957. С. 151–160.
7. Софокл. Антигона; пер. с древнегреч. С. Шервинского. Античная драма. М.: Художественная литература, 1970. С. 179–228.

8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. 245 с.
9. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»; пер. с нем. М.: Праксис, 2007. 208 с.
10. Legrain Philippe. The last thing the Eurozone needs is an ever closer union// Foreign Policy – July 31, 2015. URL: foreignpolicy.com/2015/07/31/france-plan-eurozone-integration-is-a-bad-idea.

РОМАНТИЗМ, ТЕХНОКРАТІЯ ТА ГРОМАДЯНИН

Хто є громадянин, «коліщатко» («гвинтик») «безсуб'єктних форм комунікації» або суб'єкт-бунтар? Це залежить від поняття «громадянин». Якщо громадянин – теж саме, що суб'єкт, тоді – це бунтар. Якщо громадянин – той, хто втрачає себе в взаємодії між «державно-правовими інституціональними утвореннями та культурно-мобілізованими об'єднаннями громадськості» (Габермас), тоді – це «коліщатко». У кожного свій спосіб існування: «коліщатко» існує в системі, бунтар – в акції, але один передбачає одного, вони – дві сторони «громадянської відкритості» (чи закритості?).

Ключові слова: суб'єкт, «безсуб'єктні форми комунікації», «громадянська відкритість» (закритість), бунтар, бажання.

ROMANTICISM, TECHNOCRACY AND CITIZEN

Who is a citizen? Is there a citizen with a “wheel” in “non-subjective forms of communication” or a subject-nonconformist? But what is the concept of “citizen”? In Greek tragedy, the citizen is a lone rebel against a faceless chorus “subjectless forms of communication.” But is there a place for a citizen in “subjectless forms of communication”? If a citizen should be a subject, then the citizen is a nonconformist. But if the citizen is the one who disappears in the interactions between state institutions and public associations, then the citizen is a “wheel”. A citizen-“wheel” exists in the system, a citizen-nonconformist exists in the action. But both are the two sides of one, “civil openness” (closeness?). The lack of subjectivity in communication complements, brings to its logical conclusion two already known “objectivity”: “objective” laws of economics – those that make “economic entities” rotate like “gears” of a large mechanism; and “knowledge without someone who knows” is the very thing that expresses “objective” necessity, the law of science. Finally, freedom (more precisely: arbitrariness) is “removed” in communication: I no longer want this and that, but competently submit to the dictates of the economy. The first “culturally mobilized community of the public” in England, the country of classical capitalism, was a coffee shop – a stock exchange on vacation, more precisely, in public. There were contradictions between the coffee house, on the one hand, and the government, on the other: the power – the old, estate, – was deaf to the dictates of the economy, and a bribe opened its ears to it, the stock exchange bought sensitivity.

Key words: subject, “subject-free forms of communication”, “civil openness” (closeness), nonconformist, desire.